

Яньгу лениво крутил в левой руке бокал. Люцзин опустил голову, пряча лицо, но хозяин терема легко разгадал его уныние. Не меняясь в лице, он мягко добавил:

— Не торопись. Век смертных недолог, от силы сотня лет. Подожди немного, это время пролетит незаметно.

«Сотня лет? Мне что, проклясть его на раннюю смерть?» — мысленно вздохнул Люцзин.

Пришлось смириться.

— Что ж, тогда не стоит переживать, — поклонился он. — Премного благодарен за гостеприимство, господин Яньгу. Извините за беспокойство.

Яньгу не ответил. Он поднёс чарку к губам и осушил её до дна. Люцзин поднял глаза и наткнулся на его пристальный, многозначительный взгляд. Сердце внезапно пропустило удар. Господин Яньгу мало того что обладал невероятной красотой, так ещё и смотрел на бродячих души с такой чарующей, почти порочной полуулыбкой.

— Говорят, ты временно обосновался у Цзюцина? — спросил Яньгу.

Люцзин растерялся. Откуда ему знать?

«Как он пронюхал?»

— Да, всё верно, — подтвердил он вслух.

Яньгу кивнул, не вдаваясь в расспросы:

— Цзюцин держит лавку у Реки Забвения, как-то сводит концы с концами. А вот ты... — Он осёкся, вновь одарив гостя загадочным взглядом.

У Люцзина внутри всё сжалось от недосказанности. Намекает, что он сел бедному торговцу на шею?

Однако предложение Яньгу оказалось неожиданным:

— Ты только прибыл в Подземное царство, местная пища призраков тебе наверняка не по вкусу. С этого дня я велю Хухэ ежедневно доставлять тебе пищу живых.

В груди Люцзина поднялась волна искренней признательности, он едва не прослезился от избытка чувств. Какая чуткость со стороны грозного хозяина Подземного царства!

— Спасибо вам, господин Яньгу! — воодушевлённо поблагодарил Люцзин. Но, раз уж тот проявил такую щедрость, грех было не воспользоваться моментом. Юноша робко указал на заставленный яствами стол: — Господин... а можно мне взять то, что осталось, для Цзюцина?

Яньгу на мгновение лишился дара речи. Очевидно, он никак не ожидал, что гость решит не просто набивать брюхо за чужой счёт, но ещё и потребует завернуть с собой. Впрочем, величие и благородство не позволили ему отказать.

— Забирай, — ответил он и после короткой паузы добавил: — Велеть Хухэ принести тебе короб для еды?

Люцзин закивал как безумный, мысленно восхваляя его предусмотрительность.

Покинув Терем Лунного Сияния с увесистым коробом в руках, Люцзин с улыбкой оглянулся на бесшумно закрывшиеся створки ворот. На душе было на редкость легко.

Позади яростно полыхало багровое море цветов сансары, колыхаясь под невидимым ветром. Люцзин зашагал по проторенной тропинке. Теперь-то он понял, что лачуга Цзюцина стояла совсем близко от терема — минут пятнадцать неспешным шагом. А в первый раз он плутал больше получаса из-за собственной глупости.

За пару дней он полностью выучил распорядок дня своего спасителя. Когда сумерки сгущались над крышей, а мерцающие болотные огоньки рассеивались, уступая место ночному туману, Цзюцин возвращался с Реки Забвения, напевая под нос весёлые мотивы. Люцзин зажигал в хижине масляную лампу не ради себя, а чтобы возвращающемуся с работы хозяину не казалось, будто его никто не ждёт в пустом доме.

Юноша чувствовал себя неловко из-за того, что злоупотребляет гостеприимством, и старался хоть как-то облегчить жизнь Цзюцину.

Рядом с жилой хижинкой примостилась крошечная пристройка, заменявшая кухню. В ней нашлась нехитрая утварь, и Люцзин принялся разогревать принесённые деликатесы на очаге.

Когда Цзюцин вернулся и заметил свет в окне пристройки, сквозь которое метался неясный силуэт, он не на шутку перепугался, решив, что к нему забрался воришка-призрак. Тихонько подкравшись к двери, он заглянул внутрь и с удивлением обнаружил своего постояльца, хлопчущего у печи.

Сбросив у порога бамбуковую корзину, Цзюцин вошёл.

— Ты что тут удумал? — подозрительно прищурился он. За всё время их знакомства Люцзин ни разу не подходил к плитам, и его кулинарный пыл вызывал смутные опасения.

Люцзин резко выпрямился, сияя от радости.

— Вернулся! Гляди, что я раздобыл у господина Яньгу. Настоящая пища живых, специально для тебя!

Цзюцин застыл. Он не знал, чему радоваться больше — заботе о себе или тому, что его новый друг умудрился встретиться с самим владыкой Юэхуа.

— Ты... видел господина Яньгу? — ошарашенно спросил он.

Этот вопрос застал Люцзина врасплох. Признаться, что он тайно выскользнул за дверь и побрёл за ним следом, было неловко. Смущённо почесав затылок, он честно выложил всю историю. Вопреки ожиданиям, Цзюцин не стал его ругать, а лишь испуганно выдохнул:

— Ну и дурак же ты! Скажи спасибо судьбе, что тебя вынесло именно к Терему Лунного Сияния. Попадись ты на глаза патрульным призрачным посыльным — пиши пропало. У тебя ведь ни подорожной нет, ни заступников. А Два господина Непостоянства сейчас отлучились. Наказания бы тебе не избежать.

— Призрачные посыльные? — переспросил Люцзин. — Разве это не те двое, Се Биань и Фань Уцзю?

Цзюцин опустил перед очагом и подбросил в огонь сухую ветку тутовника. Пламя весело затрепало, освещая его бледное лицо багровыми сполохами.

— Белое и Чёрное Непостоянство — лишь малая часть. Есть ещё Ночные и Дневные дозорные, якши, Матушка Мэн... Все они несут службу в Подземном царстве и шутить не любят.

Он поднял глаза, на которых играли отсветы пламени:

— Раз уж ты встретил господина Яньгу, удалось узнать что-нибудь о твоём прошлом?

— Узнал, — Люцзин не смог сдержать торжествующей улыбки. — Меня зовут Люцзин.

Яньгу сдержал слово. С того дня в положенные часы у ворот безмолвно вырастала мощная фигура Хухэ с коробом в руках. Люцзин всегда заранее чувствовал его приближение — аура у демона была настолько тяжёлой, что воздух в комнате буквально застыл.

Благодаря заботе хозяина терема Цзюцин, который уже двадцать лет не пробовал пищу живых, мало-помалу вернулся к привычному рациону. Как-то вечером он признался Люцзину, что хоть и торгует похлёбкой у реки, сам к котлу никогда не притрагивается, довольствуясь лишь ароматом ритуальных свечей и подношений из мира живых.

От этих слов Люцзину стало тоскливо. Не окажись рядом великодушный Яньгу, он сам — без памяти, без гроша в кармане и без родни, способной сжечь для него жертвенные деньги, — стал бы первым в истории призраком, умершим от голода в Подземном царстве.

Теперь же Люцзина можно было назвать самым везучим обитателем Подземного царства. Он бесплатно лакомился изысканными блюдами, жил под крышей и ни о чём не заботился. Будни в Подземном царстве текли на удивление вольготно.

Но вскоре Цзюцин принёс новость, которая могла в корне изменить его посмертную судьбу.

В тот день Цзюцин буквально влетел в хижину, запыхавшись от быстрого бега. По его словам, он бросил лавку, едва прослышав об этом.

— Владыка Яньгу вывесил указ! — выпалил он. — Набирают новых судей в судебную палату!

Пока Цзюцин недоумевал, зачем владыке понадобились новые чиновники, Люцзин едва не подпрыгнул от восторга. Для него это был шанс получше, чем обретение имени! Ведь звание судьи давало прямой доступ к Книге Жизни и Смерти. Ему больше не придётся ждать сотню лет или желать какому-нибудь бедному чиновнику ранней кончины, чтобы занять его место.

Не успел Люцзин опомниться, как Цзюцин схватил его за руку и потащил к выходу.

В самом сердце Подземного царства раскинулся Призрачный рынок — место, мало чем отличающееся от шумных городов живых. Он шумел у самых ворот Палаты Яньло: ряды лавок, вывески, толпы покупателей и зазывал. Но стоило Люцзину взглянуть на прохожих, как у него кровь застыла в жилах. К такому зрелищу подготовиться заранее было невозможно.

Торговцы и зеваки щеголяли всеми мыслимыми видами уродств, наглядно демонстрируя, какими путями они расстались с жизнью.

По мостовой бродили утопленники с вывалившимися синюшными языками и лопнувшими глазными яблоками; висельники с неестественно вывернутыми шеями; калеки, истекающие бесконечными струями чёрной крови из ушей и ноздрей. Некоторые волочили за собой по земле собственные кишки, вывалившиеся из разрубленных животов.

Как объяснял Цзюцин, все эти несчастные — темные призраки, застрявшие в Подземном царстве без права на перерождение. Фактически они были рабами, на которых держалась вся чёрная работа по обустройству Подземного царства. Они не чувствовали физической боли — если только их не подвергали пыткам в ледяных или огненных адских чертогах, способных вызвать рассеивание души и духа.

В истинности этих слов Люцзин убедился тут же. Мимо них шёл мертвец, придерживая руками вываливающиеся внутренности. Вдруг из подворотни выскочил шустрый бесёнок и со всего

маху наступил на волочащуюся по грязи кишку, начисто оторвав от неё кусок.

Люцзина едва не вывернуло наизнанку от омерзения, а в боку у него самого фантомно заныло. Но пострадавший мертвец даже не поморщился. Он спокойно присел, подобрал оторванный кусок, брезгливо отряхнул его от пыли и крикнул вслед убегающему бесу:

— Да чтоб тебя черти в котле сварили! Чьё это отродье шныряет без присмотра? Попадись мне только, я тебя лично во фритюр отправлю!

Люцзин лишился дара речи.

«Он что, серьёзно ничего не почувствовал?»

Удушливая вонь разлагающейся плоти ударила в нос. Юноша судорожно зажал рот ладонью, с трудом сдерживая рвотный позыв.

Цзюцин ободряюще похлопал его по спине:

— Как ты? Живой?

Люцзин лишь молча мотнул головой, не в силах вымолвить ни слова из-за подступившей к горлу горечи.

— Призраки не могут изменить свой посмертный облик, — вкрадчиво продолжил Цзюцин, решив до конца просветить товарища. — Но они могут латать себя. Видел, как тот парень подобрал обрубок? Придёт домой — пришьёт обратно.

Люцзин вытарашил глаза. В голове нарисовалась жуткая картина: полночь, тусклый свет свечи, безмолвный покойник с иголкой и суровыми нитками сосредоточенно латает собственные потроха, словно усердная швея за вышивкой.

Передёрнув плечами от нахлынувшего озноба, Люцзин хрипло выдал:

— Пойдём быстрее к Палате Яньло.

— Сюда, через переулок срежем, — кивнул Цзюцин.

Государственная служба в Подземном царстве ценилась невероятно высоко. Когда друзья вынырнули из узкого проулка, перед ними предстала гигантская очередь, растянувшаяся на добрую лигу от величественных ворот Палаты Яньло.

Люцзин не успел вовремя затормозить и едва не врезался в стоявшего впереди претендента.

Тот медленно развернулся. Его заплывшие, лишённые зрачков глаза выглядели жутковато, а само тело казалось раздутым и скользким от влаги. Люцзин поспешно отступил на шаг и виновато улыбнулся, безмолвно прося прощения.

Едва утопленник отвернулся, Цзюцин потянул Люцзина за рукав и зашептал на ухо:

— Гляди на его кожу. Бледная, рыхлая, с неё буквально сочится вода. Сразу видно — в реке сгинул.

Люцзин восхищённо уставился на друга:

— Слушай, Цзюцин, ты в этом так здорово разбираешься. Кем ты был при жизни? Судебным лекарем? Дознате́лем?

— Да ну тебя, — фыркнул тот. — Я здесь уже двадцать лет торчу. Навидался всякого.

Люцзин невольно оглядел собеседника. Никаких увечий, правильные черты лица, приятный голос — разве что кожа была блее́ мела.

— А ты... — осторожно спросил Люцзин. — Как умер?

Вопрос прозвучал бестактно, и юноша тут же укорил себя за любопытство, но Цзюцин лишь равнодушно пожал плечами:

— От лихорадки сгорел.

Потому и выглядел прилично, отделавшись лишь посмертной бледностью.

— М-да, не мы одни такие умные, — вздохнул Цзюцин, вытягивая шею, чтобы оценить масштабы бедствия. Живая очередь из мертвецов уходила за горизонт. — До вечера простоим.

— Прости, Цзюцин, — искренне расстроился Люцзин. — Из-за меня тебе пришлось закрыть лавку и потерять дневную выручку.

Тот смутился. Если бы призраки умели краснеть, его щёки наверняка бы залил густой румянец.

— Да ладно тебе... — пробормотал он, глядя в сторону. — Я ведь и сам решил испытать удачу. Вдруг повезёт?

Люцзин только усмехнулся про себя. Настоящий друг, ничего не скажешь.

<http://bllate.org/book/18339/1768461>